

в песню эмигрирую

— признается
Елена Камбуrowa

Она любит размышлять о судьбе русского шансона и о русских певцах, сочетающих виртуозное мастерство вокала с артистизмом и тонким поэтическим чутьем. Скажете, в России таких нет? Оказывается, есть. Только нынешняя "рыночная" фортуна к ним не благоволит. В теперешнем репертуаре самой Елены Камбуrowой — композиции по стихам поэтов Серебряного века, песни Б. Окуджавы и Н. Матвеевой (неожиданно получившие в ее исполнении ярко-эксцентричную окраску) и... очаровательно-смешные отрывки мюзиклов, в которых "серьезная" певица оказывается удивительно легкой, пластичной и заразной. Словом, Камбуrowa признает все жанры, кроме одного — пошлы, разрушающей, по ее мнению, не только песенные, но и жизненные традиции России.

...Ее мощный, все подчиняющий себе голос хочется назвать Умным. Интересно представлять его не поющим, а читающим. И невольно начинаешь подбирать его обладательнице возможные драматические роли. Впрочем, знаменитые шансоны Франции тоже были прежде всего Актерами — Эдит Пиаф, Ив Монтан, Шарль Азнавур...

А. Г. Елена Антоновна, вы не жалеете о себе как о театральной актрисе?

Е. К. Сейчас у меня как раз такой период, когда хотелось бы сыграть на сцене. Я и начинала с того, что не пела, а читала стихи.

А. Г. То есть, поступая в театральный институт, вы и не помышляли о пении?

Е. К. Для меня в то время не было песен. В детстве, слушая радио, я увлекалась песенной эстрадой, но не относилась к ней всерьез. Стихи были важнее. Но потом появились ДРУГИЕ песни — песни Н. Матвеевой и Б. Окуджавы, — и мне захотелось в них существовать. А закончила я цирковое училище. Случайно попав в него, задержалась до конца. Сначала я просто наблюдала, как работают будущие артисты цирка, потом заразилась. До сих пор вспоминаю, как мы играли "Балаганчик Дона Кристобала" Ф. Г. Лорки. Я тогда впервые вышла на манеж. Там совсем другие правила игры, чем в зале. Манера, идущая от ощущения себя в центре круга — чисто клоунские звук и пластика. Уже потом я поступила в ГИТИС, но как режиссер. Это была заочная учеба, так что основное я постигала на практике. Ведь когда выходишь на сцену, вольно или невольно занимаешься саморежиссурой.

А. Г. Каковы ваши театральные пристрастия?

Е. К. У нас много потрясающих актеров. Среди молодых особенно выделяю С. Тарамаева — он везде такой разный и удивительно поет. Но вообще мне как-то грустно за актеров — коммерческий подход к искусству отражается на многих судьбах.

А. Г. То есть талант сам по себе ни от чего не оберегает?

Е. К. Нет. Невостребованность — слишком тяжелая ноша для таланта.

А. Г. А свою судьбу вы считаете счастливой?

Е. К. Разной. Я на сцене пережила много прекрасных моментов, которые не каждому драматическому актеру довелось испытать. Ведь я выбираю репертуар сама, а они сидят и ждут, пока их выберут. Редко кто может плюнуть на все и сделать моноспектакль. Я хорошо помню, как молодой Саша Калягин, когда у него не получалось ни на Таганке, ни в Ермоловском, сделал два самостоятельных спектакля и показывал их по друзьям. Но ведь не у каждого на это хватает сил.

А. Г. Кого вы считаете своими учителями, необязательно в профессии?

Е. К. Учителя имеют разные формы. Вот, например, трава — тоже учитель, и очень серьезный. Тут и терпение, и увядание, чтобы после паузы взойти снова. Французский шансон — тоже мое учение. Потом... учусь у самих песен. Это одно из самых великих учений. Одно дело слушать песню, другое — петь ее в течение долгих лет, вырабатывая внутри себя.

А. Г. Каждая песня долго зреет?

Е. К. Непредказуемо. И происходит это не только до выхода на сцену, но и после.

А. Г. Вы смотрите на реакцию зрителей?

Е. К. Песню могут и не принять, если она не очень яркая. Самое главное для меня — внутренний комфорт, слияние с ней. Иногда я слушаю свои записи и думаю: вот, песня легла. А иногда принимают хорошо, а я это слушать не могу. Песни и учат, и спасают. А я не представляю себя не учеником. Может быть, потому, что многое пропустила в жизни.

А. Г. А учить других вам не хочется?

Е. К. Учить в смысле преподавать — это потрясающе: ведь когда ты кому-то подсказываешь, ты и для себя открываешь очень многое. Но если бы я чувствовала, что реализовалась, а так у меня ощущение, что все, что сделано, — это пока черновики, и я никак не могу начать писать набело... Вот если бы у меня был менеджер, а я вставала утром и шла к роялю, тогда у меня хватало бы сил на преподавание.

А. Г. Вам приходится быть собственным менеджером?

Е. К. Да. Плохим, потому что не умею этого делать. Но у меня не тот финансовый оборот, который бы кого-то привлек. Здесь нужен человек, который бы думал не только о деньгах, а о традиции русского шансона. На фоне разрушения культуры непостоянным певцам выжить очень сложно. Некоторые из тех, кто занимается сегодня попсой, — В. Леонтьев, например, — могли бы быть прекрасными шансонами. Хотя я почему-то верю, что жанр шансона когда-нибудь обязательно станет одним из основных. Ведь песня, в которой счастливо переплетены хорошие стихи, музыка и яркая выразительность исполнителя, — это и есть основа. Все остальное — цыганская и кабацкая песня — ответвления. А сейчас получается, что шансона как бы не существует. Хотя Россия — как раз та страна, где этот жанр должен процветать.

А. Г. Почему?

Е. К. Потому что он основан на очень хорошей поэзии. А тяга к неспешным размышлениям и к поэзии в России была всегда. Я предполагаю, что раньше у нас не была развита традиция поэтической песни, потому, что цензура была слишком суровой. А зритель бы ее подхватил, как подхватывал авторскую песню. И на том же фоне, только на ступеньку выше, потому что степень выразительности другая, и должен был вырасти жанр шансона — поэтической песни. Нельзя сказать, что сейчас нет зрителей, которым это нужно. Я езжу по стране и вижу, что они есть. Пытаюсь помогать молодым талантливым певцам, но моих сил мало. Ведь большая часть рекламы работает на попу.

А. Г. А кого-то из молодых вам хотелось бы выделить?

Е. К. Некоторые из них уже не так малы. Но их обязательно нужно назвать: Александр Лушчик, Наталья Бондарь, Инна Разумихина, Елена Фролова, Татьяна Алешина, Ирина Бирик, Николай Якимов. Собственно, вся моя жизнь прошла без особой рекламы, но сегодня — другое время. Раньше роль менеджера брал на себя Москонцерт, для которого я была непонятным товаром, а ведь торговать тоже надо уметь... Я с самого начала записывалась на радиостанции "Юность", была популярна среди студенчества. И нет, чтобы им тогда это использовать — они меня посылали. Бог знает куда и зачем! Я же не могла им диктовать! Плюс к этому была страшная цензура. На радио пропустили только "Гренаду", "Трубача" и "Орлен-

ка", хотя у меня уже был огромный репертуар. Первую сольную программу я показала в клубе МГУ в 27 лет. Она имела успех. Но через несколько дней меня "попросили" повторить ее для представителей Минкультуры. В песнях М. Таривердиева, Б. Окуджавы, Н. Матвеевой художник увидел двойной и тройной смысл. Все запретило, сказав, что в Чехословакии тоже начиналось с песен... Я стала выступать почти подпольно. Не было права на концерт, поэтому пела целое отделение или давала сольный вечер, а денег получала как за один номер. И это длилось долгие годы. Спасали зрители — их глаза, их письма. Хотя часто возникало ощущение, что я переживаю то же, что герой романа Ф. Кафки "Процесс". Теперь даже как-то странно это вспоминать...

А. Г. Вы упомянули цыганские и кабацкие песни. Вам никогда не хотелось их исполнять?

Е. К. О цыганских романсах мне говорила Ф. Г. Раневская, она пыталась объяснить природу цыганского пения — с глубинным звуком очень благородной окраски, без криков, которые так свойственны, например, театру "Ромэн". У Фаины Георгиевны слово "благородно" всегда стояло рядом с цыганским пением. Я хорошо это понимаю и все собираюсь записать на радио рассказ одной цыганки, певшей для Пушкина.

А. Г. Последнее время у вас очень разносторонний репертуар — от спектакля по страсти мюзиклов до композиции по ахатовскому "Реквиему"...

Е. К. Да. И хочу эту "разносторонность" продолжать дальше. Хочу сделать программу, в которой французские песни звучали бы на французском языке. Надеюсь, что найдутся слушатели. Ведь это интересный вид восприятия — музыкально-чувственный, не мешает слово. С другой стороны, хочу повторить программу по Мусоргскому. Спела его "Песни и пляски смерти", собираюсь спеть "Детскую". У меня есть композиция "Да осенит тишина..." — по мотивам русских народных песен и исторических баллад. Ее лейтмотив: через "кровь, пот и слезы" — к молитве и просветлению. И мне очень важно петь об этом в сегодняшней России. Ведь мы все — жертвы нынешнего ненормального времени. Меня еще песня чуть-чуть спасает, я в нее как бы эмигрирую.

А. Г. А в каком времени вам хотелось бы жить?

Е. К. Да вот в таком, о котором написал Герман Гессе в романе "Игра в биссер". В каком-нибудь заповеднике, где процветало бы искусство разведения садов. Люди бы читали стихи — ведь не обязательно, чтобы человек был творцом, важно, чтобы он умел почувствовать творения других. У них тоже были бы трагедии, но трагедии лирические — "любит — не любит". Общество, где одним из праздников было бы появление первых зеленых почек. И ничто не может из меня выбить романтического отношения к жизни! И таких, как я, достаточно. Мне только очень жаль, что мы разединены и я не могу показывать свои песни по телевидению, чтобы их услышали мои зрители в тех городах, куда я не езжу. Для них сейчас меня нет...

А. Г. А диски?

Е. К. Недавно вышел один диск, которым я, мягко говоря, не очень довольна...

А. Г. Елена Антоновна, как вы подбираете музыкантов?

Е. К. С надеждой, что они поймут, почему я пою эти песни. И очень рада, что сегодня вместе со мной на сцену выходят талантливые Олег Симкин и Вячеслав Голиков.

А. Г. А сами сочинять музыку не пробовали?

Е. К. Нет.

А. Г. Вам ближе слово?

Е. К. Раньше бы сказала "да", а теперь — не знаю. Иногда кажется, что музыка поднимается выше, что в ней больше магии, что она доказывает то, что слово сказать не в состоянии...

А. Г. Вы ни о чем в своей жизни не жалеваете, все случилось, как и должно было?

Е. К. Не знаю, может быть, ничего не случилось вообще, но последнее время хочется раз и навсегда перестать жаловаться и принимать то, что суждено...

Беседу вела

Алена ГИРШБЕРГ